

ПОЗЖЕ, В МОМЕНТЫ СОМНЕНИЙ, В ПАМЯТИ ЖОЭЛЬ

всегда будут возникать эти утренние часы. Бесконечное море вокруг и ощущение полной безопасности в его объятиях. Чистое, сияющее счастье. Когда она пытается вспомнить папá, то всегда видит его молодым человеком — стоит у релинга, в утреннем свете, с маленькой дочкой на руках. Поплотнее натягивает коричневую фетровую шляпу, чтоб ее не сдуло ветром, его шершавые небритые щеки прижимаются к ее лицу, он показывает на облако, похожее на скачущую лошадь. Или на кита. Или на дракона. Она любила его так, как любят только дети — безоговорочно. Между ними не было ни тени фальши, только любовь и доверие. Когда папá был рядом, она забывала про потные тела на нижней палубе, про вонь и жуткие звуки, что ночами преследовали ее весь путь по Средиземному морю, забывала свои беспокойные сны и тот ужас, который все старались забыть. Папá всегда пел одну песню, совсем тихо, чтобы никто не услышал, ведь пел он на немецком. Жоэль еще помнит припев: «Родина моя, твои звезды сверкают мне и на чужбине». Ей нравилось звучание слов, хотя она не понимала ничего. А покачивание в его руках было для нее неотделимо от дыхания моря. И она до сих пор помнит, как эта таинственность, вплетавшаяся в гигантские облачные башни над водой, одновременно и тревожила, и погружала в покой.

Если в те ранние годы папá и передал ей что-то в наследство, так это свою уверенность. Когда он был рядом, жизнь была легкой и надежной для Жоэль. Несмотря на окружающий хаос, мир казался таким удивительно упорядоченным. Сейчас, когда то чувство защищенности утрачено, Жоэль спрашивает себя, была ли

у папá действительно эта внутренняя сила или же он старался быть сильным ради своего ребенка, хотя сам ощущал себя столь же потеряннным, как и прочие бедняги на том корабле. Секрет счастья, сказал он однажды, в благодарности. Неважно, чем ты обладаешь, много у тебя имущества или мало. Главное — чувствуешь ли ты благодарность за это. Жизнь — это дар, Жоэль, это милость. Она висит на тоненькой ниточке. Даже не думай, будто ты имеешь на нее какое-то безусловное право.

И действительно, лишь благодарность превращала обветшалый пароход в дом, узкую койку сделала кроватью, а страну, куда они держали курс, — родиной. Никакая даль их не страшила, и надежда была их единственным достоянием. Каждый пел и мечтал на своем языке, а море несло их. Почему они верили в лучшее? Никто не знал. Ими владела беспричинная радость выживших. Никто из них никогда не видел ту страну, что была им обещана — в лагерях для перемещенных лиц в разрушенной Европе, в нелегальных конторах и темных переулках, где они обменивали банкноты на слухи. И все же она казалась им не чужбиной, а надежной пристанью, которая встретит их с распростертыми объятиями. Они обманывали себя, как любые беглецы, но то был сладкий обман.

— Куда мы плывем, папá?

— Всегда навстречу восходящему солнцу. Пока море не закончится.

Так просто. Если в этом мире и был человек, на которого она могла положиться, — это был папá. Он научил ее не только ходить и ездить на велосипеде, но и быть свободной в мыслях и иметь мужество для жизни, которую не определяет никто, кроме нее самой. Папá был немногословен, но знал, куда идет. У него было качество, которого многим сегодня не хватает, — совесть. Внутренний компас. Когда он называл что-то правильным, это было правильным, а если он считал что-то лживым, так то и было. Позже, когда Жоэль заблудилась в мире и не знала, как выбраться, ей так хотелось спросить его совета. Однако папá обманул ее в самом важном жизненном вопросе: кто я?

— Морис! — заорал сзади матрос. — Прочь от релинга! Всем пассажирам вниз!

В то же мгновение они заметили дым из трубы британского эсминца. Капитан, который не носил формы, вышвыривал с мостика за борт рыболовные карты, бортжурнал, рацию. У них не было оружия, но ненавистных британцев они встретят градом из консервных банок. Они не позволят отправить себя назад, все мосты позади сожжены. Уже совсем рядом, за горизонтом — их Земля Обетованная.

1

ПАЛЕРМО

Средиземноморье говорит множеством голосов.

ФЕРНАН БРОДЕЛЬ

МОРИЦ НАКРЫЛ СТОЛ НА ДВОИХ. МЕЖДУ ЧИСТЫХ ТА- релок стоит полупустая бутылка вина; кто-то пил из одного бокала, второй чист. Нетронутые мисочка с оливками и тарелка с засохшими ломтиками багета, по которым ползают муравьи. Выстрел раздался снаружи, из гаража. Но вначале он закрыл ставни. Словно застрелился из-за того, что так и не дождался гостя. Время в доме остановилось, кажется, лет тридцать тому назад: старый городской телефон, проигрыватель для пластинок, никакого компьютера. Его кошка беспокойно трется о мои ноги — о ней никто не позаботился. И первое, что я делаю, попав в дом деда, — ищу кошачий корм. Открываю окно, солнечный свет льется в полутьму, кричат дети, тарахтят мотороллеры, шелестят пальмы. В саду — терракотовые горшки, длинные качели с навесом, которые еще называют голливудскими, и цветущая живая изгородь, отделяющая участок от соседнего. Немного похоже на тайное убежище, но рядом море, а сверху раскинулось безоблачное небо. Все это он видел ежедневно. Я задаюсь вопросом, скучал ли он по родине. И чем занимался все эти годы в Палермо. И сколько людей можно любить в течение одной своей жизни.

Сзади поскрипывает старый паркет. Жоэль с потерянным видом идет по комнате, а когда она поворачивается, передо мной уже не та элегантная дама, какой она была при нашем знакомстве. Это беспомощная, дрожащая девочка.

В ее глазах — вопрос: почему?

Еще вчера утром мир был в порядке. Нет, конечно, он никогда не бывает в полном порядке, где-то что-то постоянно ломается, но кому это интересно. Я смогла подобрать черепки своего разбитого брака, рассортировала и подписала их. Пусть и не все пока совпадает, но я же умею довольствоваться фрагментами. Я обрела твердую почву под ногами и начала расправлять крылья, порой с удивлением замечая, что вот уже несколько дней не вспоминаю о разводе. Берлин наполнялся легкостью, освобождался от зимы.

Я точно помню, когда зазвонил мобильный, — в 9 часов 33 минуты, потому что в этот момент поезд метро остановился в туннеле, почти у самой Фридрихштрассе, и я посмотрела на экран. 0039 — код Италии. Звонивший представился адвокатом Каталано из Палермо. Нотариусом моего дедушки, Морица Райнке. Спросил, как меня зовут. Нина Циммерманн, да, все верно. Могу ли приехать завтра в Палермо. Нет, ответила я, это невозможно. Поезд, дернувшись, опять поехал, и я продвинулась к выходу. Уже хотела закончить разговор, как адвокат сказал, мол, ему крайне жаль, что приходится передавать мне столь печальную весть, но мой дедушка позавчера умер. Поток выходящих пассажиров выплюнул меня на перрон. Собеседник говорил совершенно спокойно — назвал мой адрес, дату и место моего рождения. Эти данные указаны в завещании, которое у него хранится. Согласно итальянскому законодательству я должна лично приехать в Палермо, чтобы вступить в права наследства. А быть может, я и на похороны... Люди протискивались мимо меня, толкали в спину, а я ничего не чувствовала. Как прощаться с человеком, которого никогда не видела?

На улице я судорожно глотнула свежего воздуха и набрала парижский номер тети Жоэль. По ее голосу я сразу поняла, что она уже все знает. Нотариус звонил и ей. А потом она произнесла фразу, которая выбила у меня почву из-под ног:

— Он сказал, что это самоубийство.

У нее был надломленный и безутешный голос. А я чувствовала себя оглушенной, смятенной, но главное — обманутой. Человек, которого мы вместе искали, умер, прежде чем мы смогли найти его. Мой дед, ее отец, навечно исчезнувший.

— Нина, я не могу поверить. Я же его знаю. Он никогда бы этого не сделал.

Факты. В таких ситуациях надо держаться фактов.

— Где это случилось?

— В Палермо. У него там дом, по словам нотариуса.

— А как он тебя нашел, Жоэль?

— В завещании были мои адрес и телефон... Ты можешь себе представить, все эти годы он знал, где я живу, и никогда...

У меня закружилась голова.

— Ты приедешь, Нина? Пожалуйста. Я не выдержу одна.

Я позвонила своему начальнику в отделе древностей, собрала чемодан и вылетела на следующее утро первым же рейсом. Берлин — Рим — Палермо. *Вступить в права наследства бабушки.* Что это значит? До сих пор все наследство, что нам от него досталось, — это пустое место, порождавшее легенды. *Он не вернулся с войны* — одна из скупых фраз моей бабушки о нем. Или: *Он пропал без вести в пустыне.* У отсутствующих больше власти, чем у оставшихся, это я поняла еще в детстве, ведь наш беспокойный дух не выносит пустоты, ее нужно заполнить слухами, пусть и лживыми, — все лучше, чем ничего. Тень от его молчания ожесточила мою бабушку, а мать превратила в скиталицу. Для нас не осталось ничего, ни каких-то личных вещей, ни могилы, куда мы могли бы приходить. Обычно смерть ставит точку в конце жизни, иногда — восклицательный знак или запятую, если приходит слишком рано. Дед оставил знак вопроса. Человек с двумя

именами. Мориц, Морис. Хамелеон с тремя жизнями. В одной была моя семья. В другой — семья Жоэль. А о третьей мы обе ничего не знали.

Я познакомилась с Жоэль прошлой осенью, хотя кажется, с тех пор прошла уже целая жизнь. Родиться можно дважды: первый раз без особого личного содействия, а второй раз — из себя самой, и Жоэль стала мне второй матерью, хотя я никогда ей об этом не говорила. Наши долгие прогулки по пляжу, наши ночные разговоры возродили меня из краха моего брака. С тех пор я перевернула жизнь с ног на голову, но теперь меня это нисколько не пугало, а радовало — и все благодаря Жоэль. Ее рассказы о бабушке помогли вырваться из плена жалости к самой себе. Сколько же самомнения было во мне, когда я считала, будто со мной случилось нечто из ряда вон выходящее, а на самом-то деле проще некуда: в Берлине появилась еще одна разведенная женщина, и все, а ведь где-то умирают люди. Бывают истории, которые меняют жизнь. Одни — потому что находишь в них себя, а другие — потому что позволяют увидеть мир чужими глазами. Для меня все переменялось, когда я узнала, что мой дедушка Мориц, без вести пропавший в Африке, вовсе не погиб, а создал вторую семью вдали от родины, но я не прокляла его за это, а постаралась понять причины. Он бросил мою бабушку на произвол судьбы в разбомбленном Берлине не потому, что не любил ее. А потому что жизнь подарила ему посреди войны новую любовь. И дочь по имени Жоэль. Он не знал, что в ночь перед отъездом на фронт он зачал ребенка, мою маму. Все оказалось так просто, и простой ответ порой может залечить рану. Бабушкина жесточенность, которая довлекла над нашей семьей, больше не имела власти надо мной. Как же мне хотелось, чтобы мама, никогда не видевшая своего отца, была сейчас жива и встретилась с Жоэль, своей незнакомой сводной сестрой, родившейся в том же 1943 году. Одна — в Берлине, другая — в Тунисе. Союзники разгромили немецкий Африканский корпус, сотни тысяч немцев и итальянцев попали в плен, но

Мориц в последнюю минуту дезертировал. Его спрятала в своем доме семья Сарфати. Итальянские евреи приняли его в семью как сына, потому что под военной формой увидели человека. Через окно он слышал море, отделявшее его от Европы. А в соседней комнате спала девушка, которой суждено было стать любовью его жизни. Это была мать Жоэль. Мориц, ставший Морисом, подарил Жоэль счастливое детство, которого была лишена моя мама. А когда Жоэль подросла, Мориц пропал из ее семьи так же тихо и бесследно, как из моей. Она никогда не теряла надежды вновь увидеть его.

И вот я хожу по его дому как чужой человек, у ног мяукает кошка, для которой я никак не могу отыскать этот проклятый корм. Жоэль стоит перед закрытым пианино, читая ноты на попире. Она кутается в шаль, потому что ее знобит, а потом обнимает меня, словно я могу ответить на ее «почему?», и плачет. Я тоже обнимаю ее, удивляясь, как легко мне ее утешать, хотя я сама совершенно потеряна. Человек в саду наблюдает за нами через окно.

— Я не доверяю ему, — шепчет Жоэль.

Каталано, нотариус, так и не появился в аэропорту Палермо, хотя обещал нас встретить. Я искала его глазами в зале прилета, вокруг толпились мужчины с табличками в руках, однако моего имени нигде не было написано. Что я вообще здесь делаю, думала я. И тут увидела Жоэль. Она ждала у бара. Рядом с ней уборщик включил поломочную машину, но казалось, ей вовсе не мешал шум. Маленькая и энергичная, как всегда элегантная, она выглядела даже слишком молодо в своем летнем костюме и шляпке. Накрашенные губы, глубокие морщины у рта от частых улыбок, сияющие глаза. И конечно, с шалью, от которой Жоэль не отказалась даже в этот теплый апрельский день. Ей за семьдесят, но она такая живая, какой я никогда не осмеливалась быть. Она улыбнулась,

заметив меня, и на первый взгляд казалась прежней Жоэль, но, подойдя ближе, я увидела, какая бездна в ней разверзлась. Она ласково обняла меня. Слова были не нужны. Есть люди, которых ты сам не способен найти, но они находят тебя. Жоэль именно такая. Когда она нашла меня, внутри меня словно воцарился целительный хаос.

А потом позвонил нотариус, объяснив, что произошла некоторая задержка из-за полиции и фиксации следов, мол, он очень извиняется и приедет позже к нам в отель.

— Продиктуйте адрес отца, — потребовала Жоэль.

Каталано попытался увильнуть от ответа, предлагая поехать туда завтра, но Жоэль непреклонно настаивала, пока он не назвал адрес. И пообещал дожждаться нас.

В такси мы молчали, потом Жоэль взяла мою руку и сжала. Когда мы выехали на шоссе, идущее вдоль моря, она опустила окно и, не спрашивая водителя, закурила.

Вот и тот самый дом в Монделло. Предместье с богатыми виллами прильнуло к бывшей рыбацкой деревне, куда приезжают на автобусах отдыхающие из Палермо с их пляжными сумками. Вообще-то я уже была здесь однажды, во время свадебного путешествия. Мне неприятно представлять, что дедушка жил неподалеку от пляжа, на котором я лежала с бывшим мужем. Если бы Мориц прошел мимо, я не узнала бы его — один из тех вальяжных господ в шляпе, переехавших подальше от городской суеты. Тут тенистые аллеи, ухоженные сады, виллы в стиле модерн. Все это словно выпало из времени: белый песчаный пляж, купальня на пирсе с фасадом ар-деко, аристократическая летняя идиллия, ныне опошленная шумом баров и ресторанов на набережной, где развеселые палермцы смешиваются с местными старушками, выгуливающими собак.

Первое впечатление от дома было отталкивающим. Наверно, из-за тишины вокруг него. Ставни закрыты. На дорожке опавшие листья и цветы. В палисаднике перед домом — высокая одичав-

шая пальма. Дом стоял на боковой улочке недалеко от моря. Простой белый фасад безо всяких украшений, с уже облупившейся штукатуркой. Дом выглядел ухоженным, но постаревшим. Очевидно, Мориц был небеден или же купил дом десятилетия тому назад, за еще доступную цену. Всю свою жизнь я мечтала о доме у моря. И вот он ждет меня под сицилийским небом. Я сразу прогнала прочь такую мысль. Железные ворота были открыты. На гравийной дорожке перед гаражом стоял черный «мерседес», рядом двое мужчин. Один, постарше, разговаривал по телефону, и я узнала голос нотариуса. Полноватый, в костюме, явно сшитом на заказ, галстук, ухоженные редкие волосы — весь вид говорит о состоятельности. Другой, помоложе, курил рядом. На вид ему было лет тридцать пять — сорок, и я решила, что он сицилиец. Джинсы, пара верхних пуговиц рубашки расстегнуты, стройный, со стильной пятидневной небритостью, седые проблески в черных волосах. Заметив нас у ворот, он какое-то время глядел в упор, не приглашая, однако, внутрь. Лишь когда я вошла в ворота, а Жозель — за мной, он сделал пару шагов навстречу. На первый взгляд он излучал невозмутимость человека, который повидал в жизни немало. Сильный, но спокойный. Но, взглядевшись, я увидела в нем и ту же печать бессонной ночи, и такое же полнейшее смятение, как и у нас. Он просто лучше контролировал себя.

— *Buongiorno.*

Протянул руку, не представляясь. Похоже, он ждал нас, хотя во взгляде сквозило недоверие. Или это робость? Пожатие было крепким. Самым примечательным в нем были выразительные темно-зеленые глаза. Он смотрел мне прямо в лицо, пристально, словно хотел понять, что я за человек. Он смущал и притягивал меня: несмотря на приветливость, от него исходило нечто непостижимое, будто отделявшее его от остального мира, но я не могла определить, что это. Некоторые люди не скрывают свои травмы. Например, как я, как не умеющие притворяться. Которые вечно все обдумывают. Но есть и другие, чьи раны столь глубоки, что им нельзя размышлять о случившемся — ради собственного выживания. Он казался именно таким. Это был самый грустный и привлекательный мужчина, какого я встречала.

Нотариус закончил разговор и энергично пожал нам руки:

— Бруно Каталано. *Benvenuti a Palermo!* Добро пожаловать в Палермо! — Потом представил нас: — Синьора Сарфати из Парижа. Синьора Циммерманн из Берлина. А это доктор Бишарá.

И бросил быстрый взгляд на другого, словно спрашивая его, нужны ли какие-то объяснения. Я заметила краткое замешательство, которое оба постарались скрыть. Я подумала, что *дотторе* мог быть врачом дедушки, но вслух не спросила. Может, дедушка болел?

— Мои искренние соболезнования, — сказал Каталано.

— *Grazie*, — ответила Жоэль. — Можно нам войти?

И, не дожидаясь ответа, направилась к дому. Она с самого начала держалась с Каталано отчужденно, хотя он не давал к этому повода. Он был вежлив и тактичен, но тем не менее именно нотариус стал вестником новости, которую она не хотела слышать. Ее отец принадлежал ей, и любой, кто разрушал ее воспоминания, ее надежду, что отец все еще жив, грубо вторгался в сокровищницу ее души. Второму мужчине она и вовсе не уделила внимания. Но я почувствовала, что о тайне дедушки мог знать именно он, а не нотариус. Каталано поспешил за Жоэль, нагнав ее у двери. Мы с Бишарой стояли на месте.

— Вы пойдете с нами? — спросила я.

Наши взгляды встретились, темно-зеленые глаза задержались на мне на мгновение дольше ожидаемого. Потом он покачал головой. Я ощутила инстинктивную неприязнь — точно у зверя, который избегает чужой территории. Каталано позвал меня, и я пошла к дому, оставив Бишару у ворот. Такой была наша первая встреча, три чужака у двери дома исчезнувшего человека, под пальмами, ветреным весенним днем.

